- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-87-94
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

КОМАРОВА Валентина Викторовна,
профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права России МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего образования Российской Федерации, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, e-mail: VVKOMAROVA@msal.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. *Современные вызовы и запросы на образ будущего актуализируют создание новых моделей жизнедеятельности государства и общества, практическую их реализацию как в политико-программных документах, так и в отраслевых актах. Пространственное развитие и социальная архитектура новые правовое явления и в российском законодательстве не имеют легального определения, представляют научный интерес, имеющий практическое применение. Автором исследованы подходы к доктринальному наполнению в сравнительно-правовом и межотраслевом ракурсе избранных терминов, выявлены общие цели и публичные интересы, формы их достижения. Сделан вывод о том, что социальная архитектура как более объемное понятие, влияет на управленческие модели, использует механизмы пространственного развития для достижения актуальных задач современности, включая моделирование будущей картины развития общества и государства, в его пространственных пределах.*

Ключевые слова: *социальная архитектура, пространственное развитие, конституционно-правовые целеполагания, соуправление, общественная миссия, функции, формы.*

KOMAROVA Valentina Viktorovna,
Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Russia, Kutafin Moscow State Law University, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

SPATIAL DEVELOPMENT AND SOCIAL ARCHITECTURE IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. *Modern challenges and requests for an image of the future actualize the creation of new models of the life of the state and society, their practical implementation both in political and programmatic documents and in sectoral acts. Spatial development and social architecture are new legal phenomena that do not have a legal definition in Russian legislation, but are of scientific interest and have practical applications. The author examines the approaches to the doctrinal content in the comparative legal and intersectoral perspective of the selected terms, identifies common goals and public interests, and the forms of their achievement. It is concluded that social architecture, as a more comprehensive concept, influences management models and uses spatial development mechanisms to achieve current challenges, including modeling the future development of society and the state within its spatial boundaries.*

Key words: *social architecture, spatial development, constitutional and legal goals, co-management, public mission, functions, forms.*

Пространственное развитие и социальная архитектура в российском законодательстве не имеют легального определения и представляют собой научный интерес, имеющий практическое применение, поскольку явились ответом на современные вызовы, вызовы неопределенности и запрос на образ будущего. Происходят социальные и технологические изменения: развитие искусственного интеллекта, нейросетей и цифровых технологий влияет (не всегда положительно) на когнитивные способности человека и социальные институты, управленческие механизмы.

Е. Н. Пятшева справедливо отмечает: «Прежние методы управления перестали быть эффективными. Сегодня встал вопрос о «чуткой власти», которая благодаря современным социальным технологиям может услышать, чего хотят люди, и предложить им те форматы коммуникации управленческих решений, которые будут направлены на наиболее быстрое и качественное удовлетворение их потребностей.»[16; с. 65]

Наблюдается кризис социальных институтов: некоторые традиционные форматы образования, воспитания, социальной защиты, корпоративного управления и государственной службы не успевают адаптироваться к новым реалиям, вследствие чего теряют эффективность. Как следствие, происходит рост неопределенности – поэтому и усиливается запрос на формирование нового образа будущего и новых парадигм социального развития, публичного управления.

Социальная архитектура тесно связана с территорией, с ее развитием. В этой связи отметим новый термин в рамках обозначенной темы — пространственное развитие.

В научной литературе сложились различные подходы к определению и соотношению понятий «пространственное развитие» и «территориальное развитие». Как правило, «пространственное развитие» рассматривается с узкой и с широкой позиций. В узком смысле упор делается на совершенствовании инфраструктуры и оптимизации расселения (территориальное развитие), в широком — пространственное развитие охватывает весь комплекс социально-экономических процессов, протекающих на определённой территории, включая территориальное развитие [9; с. 49].

Пространственное развитие по нашему мнению, представляет собой комплексную категорию, включающую стратегические цели пространственного развития, инструменты территориального планирования, институты особых правовых режимов и процессуальные аспекты изменения границ (страны, субъектов Федерации, муниципальных образований); оптимизации расселения и улучшение условий жизни населения в социально-экономической, экологической сфере; безопасности окружающей среды.

В системе публичного управления содержание термина «пространственное развитие» представляет собой комплексный процесс, направленный на качественное преобразование территориально-хозяйственных систем, улучшение условий жизни населения и эффективное использование экономического потенциала территории: это и градостроительная политика, землепользование, транспортная доступность, экологическая безопасность, экономическая, социальная и инфраструктурная сферы, социально- экономическое благополучие, гражданский мир, сохранение культурного и исторического наследия.

Основа пространственного развития – социальное благополучие, гражданский мир и согласие, которые невозможны без взаимного доверия государства и общества, общественной безопасности, в основе которой лежит безопасность личности. Всё это в той или иной мере, по мнению автора, является также и сферой социальной архитектуры.

Отметим новый фактор в рамках исследования, закрепленный в процесс конституционной реформы 2020 г.: общественное здоровье, который наравне с социально-экономическими моделями развития, экологической обстановкой, государственной политикой в отношении условий жизни (включая уровень здравоохранения, труда, быта, отдыха, образования и культуры), демографической политикой, составляет факторы оказывающее влияние на формирование и реализацию в интересах человека, общества и государства его пространственного развития [10].

Еще одной точкой соприкосновения в рамках заявленной темы, по мнению автора, являются интересы. Как одна из основ пространственного развития и социальной архитектуры, в контексте конституционного права они представлены, в основном, в виде публичного интереса. Корифеи отраслевой науки по-разному определяли его содержание:

сквозь призму правового регулирования (Ю.А. Тихомиров: публичный интерес служит основой для правового регулирования и может ограничивать частные интересы, но такое ограничение не должно быть произвольным: необходимо наличие законодательно закреплённых оснований и соразмерность вмешательства [18; с. 57-58]); как обособленную, самостоятельную сущность (В.Е. Чиркин: «публичный интерес в территориальном развитии не сводится к сумме частных интересов, а представляет собой качественно иное образование, имеющее собственную природу и механизмы реализации» [20; с. 52]; как результат согласования, служащий общему благу (С.А. Авакьян: «публичный интерес

выражает конституционные цели государства и общества, а его реализация служит обеспечению общего блага, которое не может быть достигнуто без согласования интересов Федерации и ее субъектов» [1; с. 18]); сквозь призму социального государства (М.В. Баглай: «публичные интересы связаны с задачами социального государства и обязанностью органов власти обеспечивать равенство условий жизнедеятельности граждан независимо от места их проживания» [3; с. 130]).

По мнению автора, применительно к теме научной работы, публичный интерес в пространственном развитии выражается прежде всего в обеспечении: единства территории государства и ее целостности; равных условий жизнедеятельности населения и всестороннего развития личности; рационального использования природных ресурсов; устойчивого социально-экономического развития территорий; доступности инфраструктуры, национальной безопасности. Пространственное развитие сегодня ставит во главу угла интересы человека, общества и государства. И если в отношении уточнения интересов государства поможет их правовое закрепление (в том числе в политико-правовых документах), то интересы общества и конкретного человека должны быть выявлены, прежде всего в правовом поле, поскольку именно они лежат в основе нормативно закрепленных государственных интересов. Существующие механизмы их формирования, выявления, закрепления, в силу стремительно изменяющейся окружающей действительности, необходимо по возможности видоизменять и дополнять новыми, учитывая комплексность поставленных задач.

Одним из выходов может стать социальная архитектура и деятельность социальных архитекторов, рассматриваемая как один из ответов на внутренние и внешние вызовы, поскольку «новая сущность способна создавать устойчивые социальные институты и процессы, обеспечивать гармонизацию общества и адаптацию к меняющейся реальности» [15].

Авторы, исследующие динамику становления в России нового явления - социальной архитектуры определяют общественную миссию и общественную сущность нового направления – «… активное вовлечение социума в процессы преобразования и форм общежития, и ценностей, и видов коммуникации. Отсюда формируется доминанта социальной архитектуры – стратегическая работа с доверием, направленная на построение долгосрочной коммуникационной инфраструктуры для диалога между государством, бизнесом и обществом» [25; с. 7].

А.А. Назаров акцентирует в своим определении суть исследуемого явления и его междисциплинарность: «Социальная архитектура — это «инженерия смыслов», объединяющая опыт великих реформ России и современные технологии управления. В отличие от манипуляций прошлого, сегодня в центре системы стоит доверие. Это междисциплинарная область, где эксперты проводят диагностику общества и проектируют его развитие» [13; с. 63].

«Общественная миссия социальной архитектуры заключается в реализации масштабных социальных задач, направленных на устойчивое развитие общества и государства. Это решение повседневных проблем инфраструктуры и благополучия, а также работа с более высокоуровневыми вызовами: демографическим развитием, межэтническим и межконфессиональным миром, укреплением семейных ценностей. Главная цель – вовлечение граждан в формирование социальной среды и образа будущего, что требует от социального архитектора не только профессионализма, но и способности работать с сообществами, объединяя различные социальные слои и интересы» [14].

Е. Н. Пятшева предлагает несколько функций, которые призваны выполнять специалисты социальной архитектуры: медиация и выстраивание диалога; снижение тревожности и работа с общественными настроениями; вовлечение граждан, интеграция особых групп (напр. разработка специальных решений для адаптации ветеранов СВО, людей с ограниченными возможностями, мигрантов требует тонкой настройки социальных лифтов и общественных связей) [16; с. 67].

Социализация общества ведет к социальной стабильности – основе устойчивого развития, как общей цели социальной архитектуры и пространственного развития.

Этому способствуют повышение уровня социализации общества, рост его консолидации вокруг национальных идей, снижение уровня дифференциации жизни населения и зависимости экономики страны от мировых финансовых кризисов путём создания альтернативных отечественных проектов по стратегическим направлениям развития и т.д.

Политологи рассматривают социальную архитектуру как новое направление деятельности внутриполитического блока: «… демонстрирует новый этап во взаимодействии государства с институтами гражданского общества, приоритетом которого является обеспечение процесса консолидации граждан и государства, обеспечение легитимности власти», как новый этап взаимодействия «… во взаимодействии государства с институтами гражданского общества, приоритетом которого является обеспечение процесса консолидации граждан и государства, обеспечение ле-

гитимности власти» [4; с. 820-830].

Д. Д. Сорокина и Ф. А. Милевская следующим образом формулируют свой авторский подход, акцентируя внимание на стратегической составляющей исследуемого явления: «под социальной архитектурой понимается стратегия, направленная на выявление, активизацию и интеграцию социального потенциала для совместного достижения целей общественного развития с помощью проектирования и формирования устойчивых и институционализированных механизмов взаимодействия между государством, обществом и отдельно взятым гражданином» [17; с. 146].

Шарахина Л.В. и Ачкасова В.А. социальную архитектуру рассматривают как синтез для создания устойчивых моделей управления: «социальная архитектура представляет собой некий синтез социального и политического векторов, основанный на социально-конструктивистском подходе. Ее новизна заключается в ориентации на создание устойчивых моделей управления через коммуникационное проектирование социальной среды, основанной на взаимопонимании и гражданском участии» [25; с. 7].

Группа ученых в этом направлении исследуют социальную архитектуру как метод управления. Можно выделить несколько подходов. Одна группа авторов рассматривают его сквозь призму субъектного состава: «метод управления общественными проектами, при котором локальные сообщества рассматриваются не просто как выгодоприобретатели, а именно как соавторы и соучастники позитивных изменений, превращается в важнейший инструмент территориального развития» [12; с. 3]; вторая группа считает что это «новая управленческая логика, основанная на совместной работе над изменением среды и качества жизни людей» [12; с. 4]. Аналогичный подход мы видим у А.Д. Харичева: «Социальная архитектура – новая управленческая логика, основанная на совместной работе над изменением среды и качества жизни людей. В центре этой логики – человек. Это не про технологические манипуляции, а про доверие, вовлеченность и реальные эффекты для отдельных сообществ и общества в целом. Социальная архитектура расширяет функционал политического консультирования, путем перехода от краткосрочных к стратегически значимым проектам» [19].

Отметим еще одно направление в определении социальной архитектуры. Авторы акцентируют внимание на изменении целей и способов управления. Так, А. Н. Чумиков и М.П. Бочаров придерживаются следующей позиции: «в ходе разработки концепции социальной архитектуры в G2C деятельности необходима смена доминанты с задач «информировать» и «предоставить услугу» на «заслужить доверие» и «вовлечь»» «конструкций социальной архитектуры C2G формата, то здесь актуализируется смена установки от «свободы говорить» к «быть услышанным», то есть к развитию краудсорсинговых технологий преодоления общественной пассивности и реализации конструктивных замыслов» [22; с. 18; 23; с.22; 24].

Л.В. Шарахина и В.А. Ачкасова считают, что, «…по сути социальная архитектура, стимулирует переход от патерналистской модели реализации государственной социальной политики и социальных инвестиций бизнеса к соуправлению» [25; с.7].

Фактически, создается новый механизм соуправления.

Отметим, что идеи диалога между органами власти и институтами гражданского общества в национальной науке не нова [8; с. 107]. Российским подходом к построению гражданского общества является социал-демократическая модель, основанная на принципах партнерства и сотрудничества между государством и обществом [21; с. 147].

Таким образом, социальная архитектура — это проектирование и реализация социальных практик и инициатив, направленных на решение актуальных общественных задач, создание эффективных коммуникаций между различными социальными группами, институтами и государственными структурами. Одной их таких задач, по мнению автора, является и пространственное развитие территории. Кроме того, перед пространственным развитием территории стоят некоторые сходные, с социальной архитектурой, задачи, например, социальная устойчивость.

Социальная архитектура является отражением более общей архитектуры публичной власти, конституционной ценностью для которой является ст. 2 Конституции России, закрепляющей высшей ценностью человека, его права и свободы.

К общественным и государственным задачам, характерным для пространственного развития и социальной архитектуры отнесем устойчивое развитие. Это общая цель социальной архитектуры и пространственного развития, а социализация общества ведет к социальной стабильности – основе устойчивого развития.

Одним из базовых целеполаганий в социальной архитектуре, впрочем, как и в пространственном развитии, можно назвать социальную устойчивость. Исследователи социальной устойчивости акцентируют внимание на основном объекте — человеке: «Социальная составляющая устойчивости развития региона должна быть ориентирована на человека, направлена на со-

хранение стабильности социокультурных систем. Справедливое разделение благ является одним из основных индикаторов данного подхода» [6; с. 16]. А.Ю. Гайфуллин исследует социальную устойчивость как «состояние элементов общества на определенной территории, обеспечивающее стабильность функционирования всей пространственной социальной системы и устойчивое положение ее агентов, противодействуя внешним и внутренним угрозам в длительной перспективе» [5; с.105], в качестве ориентира развития называет устойчивое положение агентов, т.е. людей. Отметим, что концепция пространственного развития так же называет в качестве ориентира человека и его интересы.

В мае 2024 года глава государства в своем Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [26] национальными целями назвал: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотической и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Очевидно, что наличие в перечне таких категорий, как «экологическое благополучие» и «технологическое лидерство», отражает стремление государства охватить стратегическим планированием весь спектр современного развития, включая вопросы климата, цифровизации и инноваций, что соответствует современным вызовам. Указ № 309 прямо предписал Правительству Российской Федерации обеспечить согласование документов стратегического планирования с новыми национальными целями, что стало отправной точкой для пересмотра всей системы пространственного планирования.

Среди приоритетов пространственного развития до 2030 года, утвержденных распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4132-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [27], выделяются: укрепление транспортной и логистической связанности территорий (включая развитие международных транспортных коридоров и внутренней инфраструктуры), поддержка опорных населенных пунктов и агломераций как центров экономического роста; комплексное развитие сельских территорий и малых городов, ускоренное освоение стратегически значимых макрорегионов (в том числе Арктики, Дальнего Востока и Сибири).

Существенное внимание в Стратегии уделяется снижению межрегиональной дифференциации; переходу к более комплексному территориальному планированию, предполагающему согласование интересов федерального центра, субъектов РФ, муниципальных образований, бизнеса и населения; принципу человеко ориентированности пространственного развития: приоритет отдается созданию комфортной среды проживания, развитию социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения, культуры), обеспечению экологической безопасности и повышению качества жизни населения.

Для реализации данной задачи необходимо развитие существующих и создание новых институциональных механизмов, способствующих открытому диалогу, обратной связи и учету общественного мнения при формировании государственной политики, при этом учитывая специфику российского контекста и национального менталитета [4; с.825], разделяя так же позицию авторов в том, что «разработка эффективных механизмов взаимодействия государства и общества в российских условиях требует синтетического подхода, учитывающего как важность гражданской активности, контроля и критики, так и особенности социал-демократической модели (стремление к консенсусу, партнерству и коллективным действиям)», дополним необходимостью использовать работающие механизмы для достижения новых целей, преобразовывая их под современные запросы и возможности, дополняя новые процедуры в оправдавшие себя способы взаимодействия и, безусловно, вводить новые формы взаимодействия [7; с. 17].

Формы достижения целей и задач социальной архитектуры так же привлекают внимание, прежде всего, своей сложностью и многоуровневостью. О.Г. Романовская и А. В. Кулакова подчеркивают, что «Формирование социальной архитектуры происходит в рамках междисциплинарных управленческих практик, основанных на признании сложности и аутентичности самоорганизации общества» [11].

А. Н. Чумиков исследуя практики социальной архитектуры, называет проектирование, бюджетирование, развитие территориального общественного самоуправления, патриотическое воспитание, популяризация здорового образа жизни и др. [22; с. 17].

Д. Д. Сорокина и Ф. А. Милевская в своем определении социальной архитектуры называют следующие формы достижения ее цели: проектирование и формирование устойчивых и институционализированных механизмов взаимодействия между государством, обществом и отдельно взятым гражданином [17; с. 146].

Можно отнести правовое обеспечение государственной политики по противодействию новым вызовам, например, социальным деструкциям, в частности запрет пропаганды движения «чайлдфри»: баланс между защитой репродуктивных прав и традиционных семейных ценностей; конституционное закрепление содержания «семья». Очевидно и то, что социальная архитектура использует и смежные механизмы пространственного развития.

Пространственное развитие в России демонстрирует высокую чувствительность к социальной политике – одном из базовых составляющих социальной архитектуры, которая реализуется через механизмы государственных программ социального обеспечения и социальных услуг (развитие систем здравоохранения, образования, культуры и другие), и, как следствие, для достижения смежных задач могут использоваться и однотипные механизмы, характерные и для решения задач социальной архитектуры. Сквозным ресурсным механизмом, обеспечивающим реализацию национальных целей, выступает система национальных проектов.

В заключении отметим, что исследуемые термины «социальная архитектура» и «пространственное развитие» в национальной доктрине новые, многоаспектные и комплексные, взаимозависимые и взаимообусловленные.

Кроме того, они представляются как сложная система, требующая комплексного подхода не только в создании доктринальных основ, но и правового регулирования в едином ключе в связи с тем, что социальная архитектура как более объемное понятие, влияет на управленческие модели, использует механизмы пространственного развития для достижения актуальных задач современности, включая моделирование будущей картины развития общества и государства, в его пространственных пределах.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — Т. 2.

[2] Амандурдыев И., Амангелдиев Д., Аммырадов Р. Архитектура и социальное взаимодействие: как проектирование пространства влияет на общественные связи // Вестник науки. 2024. № 9 (78).

[3] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 15-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022.

[4] Борисенков А.А., Макаров А.В., Лайков М.А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // выпуск 3(115) Политическая социология. 2025, том 15 с. 823-832.

[5] Гайфуллин А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 104–109.

[6] Катов В. В. Динамика уровня жизни, социально-демографическая устойчивость региона // Ученые записки. – 2017. – № 1(21). – С. 2. – с. 11-16.

[7] Комарова В. В. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права или цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 2. – С. 10-20.

[8] Комарова В. В. Органы публичной власти и субъекты гражданского общества: правовое оформление взаимодействия // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 2(146). – С. 104-107.

[9] Комарова В.В. Конституционные основы пространственного развития // Муниципальный правовой инжиниринг в системе пространственного развития Российской Федерации: учебное пособие / под ред. С.Ю. Колмакова. – М., 2026. – 565 с.

[10] Комарова В.В. Национальные модели правового обеспечения здорового и активного долголетия в условиях применения медицинских технологий: российский и зарубежный опыт. Монография / Рук-ль авт.колл., д.ю.н., проф. В.В. Комарова. - М.: Изд-во «ЮРКОМПАНИ», 2026 — 356 с.

[11] Кулакова А. В., Романовская О.Г. Роль архитектуры в формировании социальной среды города // Вестник молодежной науки. 2023. № 3 (40).

[12] Минченко Е. Н., Полетаев О. В. Социальная архитектура в российских компаниях, 2025. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sots_arhitektury.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

[13] Назаров А.А. «Сборка смыслов социальной архитектуры: как история и практика формируют образование» // Государство. Вып. 5, 2026 г., с. 60-65.

[14] Наум Телешевский: Общественная миссия социальной архитектуры — в реализации масштабных социальных задач, направленных на устойчивое развитие общества и государства // https://tvspb.ru/news/2026/06/4/naum-teleshevskij-obshhestvennaya-missiya-soczialnoj-arhitektury-v-realizaczii-masshtabnyh-soczialnyh-zadach-napravlennyh-na-ustojchivoe-razvitie-obshhestva-i-gosudarstva (дата обращения 20.07.2026).

[15] Обзор. Социальная архитектура: мис-

сия и перспективы // https://rosatomgrad.ru/obzor-soczialnaya-arhitektura-missiya-i-perspektivy/.

[16] Пятшева Е. Н. Социальная архитектура в России: phenomenon or effect // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 11, № 1(166). – С. 63-69.

[17] Сорокина Д. Д., Милевская Ф. А. Социальная архитектура в современной России: практика реализации // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 10. – С. 147-151. с. 146.

[18] Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. – М. : БЕК, 1995. – С. 57–58.

[19] Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 4–10.

[20] Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти : монография — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021.

[21] Чумаков Д.Д. Изучение моделей взаимодействия гражданского общества и института государства: теоретико-концептуальный аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 142-147.

[22] Чумиков А. Н. Коммуникации государства и граждан как конструкции социальной архитектуры // Русская политология. – 2026. – № 1(38). – С. 17-23.

[23] Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Государственный PR. Социально-политические коммуникации— М.: Проспект, 2025.— 448с.

[24] Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Управление коммуникациями.— М.: Дашков и К, 2023.—544с.

[25] Шарахина Л.В., Ачкасова В.А. Новые векторы стратегических коммуникаций: социальная архитектура как актуальная повестка // Litera. 2025. № 10. С. 1-10.

[26] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // pravo.gov.ru (дата обращения: 04.05.2026).

[27] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // pravo.gov.ru (дата обращения: 04.05.2026).

References:

[1] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Training course: training manual: in 2 volumes - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2023. - VOL. 2.

[2] Amandurdyev I., Amangeldiev D., Amanmyradov R. Architecture and social interaction: how space design affects public relations // Bulletin of Science. 2024. № 9 (78).

[3] Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. 15th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2022.

[4] Borisenkov A.A., Makarov A.V., Likes M.A. Social architecture as a new area of activity of the domestic political bloc // issue 3 (115) Political sociology. 2025, vol. 15 pp. 823-832.

[5] Gayfullin A.Yu. Methodological approach to assessing the social stability of territorial formations // News of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 1. S. 104-109.

[6] Katov V.V. Dynamics of living standards, socio-demographic stability of the region // Scientific notes. – 2017. – № 1(21). - S. 2. - p. 11-16.

[7] Komarova V. V. Bilateral interaction between citizens and public authorities: digital rights or digital opportunities // Journal of the Belarusian State University. Right. – 2023. – № 2. - S. 10-20.

[8] Komarova V. V. Public authorities and civil society entities: legal formalization of interaction // Law and state: theory and practice. – 2017. – № 2(146). - S. 104-107.

[9] Komarova V.V. Constitutional foundations of spatial development // Municipal legal engineering in the system of spatial development of the Russian Federation: textbook/ed. S.Yu. Kolmakova. - M., 2026. - 565 s.

[10] Komarova V.V. National models of legal support for healthy and active longevity in the context of the use of medical technologies: Russian and foreign experience. Monograph/Autocall, Ph.D., prof. V.V. Komarova. - M.: Publishing house "YURKOMPANI," 2026 - 356 p.

[11] Kulakova A.V., Romanovskaya O.G. The role of architecture in the formation of the social environment of the city // Bulletin of youth science. 2023. № 3 (40).

[12] Minchenko E.N., Poletaev O.V. Social architecture in Russian companies, 2025. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sots_arhitektury.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

[13] Nazarov A.A. "Assembly of the meanings of social architecture: how history and practice shape education "// State. No. 5, 2026, pp. 60-65.

[14] Naum Teleshevsky: The social mission of social architecture is to implement large-scale social tasks aimed at the sustainable development of society and the state // https://tvspb.ru/news/2026/06/4/naum-teleshevskij-obshhestvennaya-missiya-soczialnoj-arhitektury-v-realizaczii-masshtabnyh-soczialnyh-zadach-napravlennyh-na-ustojchivoe-razvitie-obshhestva-i-gosudarstva (accessed on 20.07.2026).

[15] Overview. Социальная архитектура: миссия и перспективы // https://rosatomgrad.ru/obzor-soczialnaya-arhitektura-missiya-i-perspektivy/.

[16] Pyatsheva E.N. Social architecture in Russia: phenomenon or effect // Economics and management: problems, solutions. – 2026. - T. 11, NO. 1 (166). - S. 63-69.

[17] Sorokina D. D., Milevskaya F. A. Social architecture in modern Russia: implementation practice // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 10. - S. 147-151. from. 146.

[18] Tikhomirov Yu. A. Public law: textbook. - M.: BECK, 1995. - S. 57-58.

[19] Kharichev A.D. Civilization "Russia "// Notepad of civil education. 2025. № 7. S. 4-10.

[20] Chirkin V.E. Territorial organization of public power: monograph - Moscow: Norm: INFRA-M, 2021.

[21] Chumakov D.D. Study of models of interaction between civil society and the institution of the state: theoretical and conceptual aspect // Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2014. № 3. S. 142-147.

[22] Chumikov A. N. Communications of the state and citizens as a construction of social architecture // Russian political science. – 2026. – № 1(38). - S. 17-23.

[23] Chumikov A.N., Bocharov M.P. State PR. Socio-political communications - M.: Prospect, 2025. - 448s.

[24] Chumikov A.N., Bocharov M.P. Communications Management. - M.: Dashkov and K, 2023. - 544s.

[25] Sharakhina L.V., Achkasova V.A. New vectors of strategic communications: social architecture as an urgent agenda // Litera. 2025. № 10. S. 1-10.

[26] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 "// pravo.gov.ru (date of appeal: 04.05.2026).

[27] Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast until 2036 "// pravo.gov.ru (circulation date: 04.05.2026).

